

ЮКИО МИСИМА

ХАГАКУРЭ
НЮМОН

Юкио Мисима
Хагакурэ Нюмон

«СОЮЗ»

1967

Мисима Ю.

Хагакурэ Нюмон / Ю. Мисима — «СОЮЗ», 1967

ISBN 978-5-6050124-5-0

«Хагакурэ» – один из самых влиятельных японских трактатов о кодексе чести самурая – бусидо. Более трехсот лет назад Ямамото Цунэтомо продиктовал ученикам истории о боевой доблести, воинском долге, совести и ответственности, которые сложились в сборник своеобразных заповедей и руководство для познания мира, и постижения мудрости. В «Хагакурэ Нюмон» Юкио Мисима предлагает свою интерпретацию руководства по самурайской этике и поведению. Уверены, эта книга станет незаменимым помощником не только для поклонников боевых искусств и всех тех, кто очарован древней Японией.

ISBN 978-5-6050124-5-0

© Мисима Ю., 1967

© СОЮЗ, 1967

Содержание

Пролог: "Хагакурэ" и я	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Юкио Мисима Хагакурэ Нюмон

/ Hagakure nyūmon: bu shidō wa ikiteiru

© перевод А. Мищенко

© ИП Воробьев В. А.

© ИД СОЮЗ

* * *

Пролог: "Хагакурэ" и я

"Бал графа Орже" Раймона Радиге и "Собрание сочинений" Акинари Уэда

Духовные спутники нашей юности – это друзья и книги. Друзья обладают телом из плоти и крови и взрослеют вместе с нами. Увлечения одного периода жизни со временем ослабевают и уступают место другим устремлениям, которые человек делит с какими-то другими людьми. Нечто подобное можно сказать и о книгах. Иногда бывает, что мы перечитываем книгу, окрылявшую нас в детстве, и замечаем, что в наших глазах она потеряла яркость и привлекательность. Она становится для нас мертвой книгой, которую мы знаем только по воспоминаниям. Однако основное различие между книгами и живыми людьми состоит в том, что книги остаются прежними, тогда как люди меняются. Даже если книга нашего детства долго валялась в пыли в старом чемодане, она свято хранит свою философию и характер. Принимая или отвергая книгу, читая или не читая ее, мы не можем ее изменить. Мы можем изменить только свое отношение к ней, и больше ничего.

Мое детство прошло в годы войны. В те дни больше всего меня вдохновляла книга Раймона Радиге "Бал графа Орже". Это – шедевр классической литературы, который поставил своего автора в ряды великих мастеров французской прозы. Художественные достоинства книги Радиге несомненны, но тогда я едва ли мог их оценить. Книга притягивала меня необычной судьбой своего автора, который еще юношей, в двадцатилетнем возрасте, ушел из жизни, оставив миру свой шедевр. Тогда казалось, что мне тоже суждено пойти воевать и пасть в бою в ранней молодости, поэтому я легко отождествлял себя с автором книги. Почему-то он стал для меня идеалом, и его литературные достижения служили для меня ориентиром и вехой на пути, по которому мне в этой жизни суждено было пройти. Впоследствии мои литературные вкусы изменились. Вопреки своим ожиданиям, я дожил до конца войны, и тогда очарование романа Радиге для меня немного померкло.

Другой моей любимой книгой было "Собрание сочинений" Акинари Уэда, которое я носил с собой в бомбоубежище во время налетов авиации. Я до сих пор не мог понять, почему мне тогда так сильно нравился Акинари Уэда. Возможно, в те дни я уже вынашивал в себе свой идеал японской литературы, и поэтому мне казалось близким глубокое уважение Акинари к прошлому и его исключительное мастерство жанре рассказа, который, в исполнении Акинари, представлялся мне сверкающим самоцветом. Мое уважение к Акинари Радиге не уменьшилось до настоящего времени, но постепенно эти авторы перестали быть моими постоянными спутниками.

Единственная и неповторимая книга для меня – "Хагакурэ"

И есть еще одна книга. Я имею в виду "Хагакурэ" Дзете Ямамото. Я начал читать! ее во время войны и с тех пор всегда держу у себя на столе. Если вообще существует книга, к которой я постоянно обращался течение последних двадцати лет, перечитывая к случаю тот или иной отрывок и всякий раз восхищаясь им, – то это "Хагакурэ". Между тем, подлинный свет "Хагакурэ" засиял во мне лишь после войны, когда популярность книги пошла на убыль, потому что люди больше не считали, что ее должен знать каждый. Видимо, "Хагакурэ" всегда окружают парадоксы. Так, во время войны она была подобна источнику света в погожий летний день, но только в кромешной тьме послевоенной поры эта книга засияла во всей своей красе.

Вскоре после войны я написал свой первый роман. В это время вокруг меня набирали силу литературные течения новой эпохи. Однако все то, что принято называть послевоенной литературой, не находило во мне отклика ни с интеллектуальной, ни с литературной точек зрения. Идеалы и устремления людей, которые в своей жизни исходили из чуждых мне философ-

ских принципов и проповедовали непонятные для меня эстетические ценности, не оказывали на меня никакого влияния, проносясь мимо, словно ветер.

Конечно, я всегда чувствовал себя одиноким. И вот теперь я спрашиваю себя: что служило моей путеводной звездой в годы войны и продолжает служить ей сейчас, когда война осталась далеко позади? Это не был ни диалектический материализм Маркса, ни императорский Указ об образовании. Моим духовным компасом могла стать книга, которая содержала в себе основы морали и полностью одобряла дерзания моей молодости. Это должна была быть книга, которая оправдывала бы мое одиночество и благоговение перед прошлым. Более того, это должно было быть произведение, запрещенное в современном обществе.

"Хагакурэ" удовлетворяет всем этим условиям. Подобно другим книгам, которые так много значили для людей во время войны, это произведение теперь считается низким, мерзким и опасным. Его надлежит вычеркнуть из памяти, а оставшиеся экземпляры грубо связать в тюки и отнести на свалку. Однако в сумраке современности "Хагакурэ" начинает излучать свой подлинный свет.

"Хагакурэ" учит свободе и страсти

Только сейчас все то, что я нашел в "Хагакурэ" во время войны, начинает проявлять свой глубинный смысл. Эта книга исповедует свободу, взывает к страсти. Даже те, кто внимательно прочел одну только, самую известную строку из "Хагакурэ" – "Я постиг, что Путь Самурая – это смерть" – понимают, что это произведение беспрецедентного фанатизма. Уже в одной этой строке виден парадокс, который выражает суть книги в целом. Именно эти слова дали мне силу жить.

Мое кредо

Впервые я заявил о своей преданности идеалам "Хагакурэ" в статье "Праздник писателя", опубликованной после войны, в 1955 году. Вот несколько выдержек из этой статьи.

Я начал читать "Хагакурэ" во время войны и время от времени обращаюсь к этой книге даже сейчас. Ее моральные заповеди не имеют себе равных. Ее ирония никогда не бывает циничной; это ирония, которая рождается естественно, когда человек осознает противоречие между решимостью действовать и пониманием правильного пути. Какая это насущная, вдохновенная, человеческая книга!

Те, кто читают "Хагакурэ" с точки зрения общественных условностей для знакомства с феодальной моралью, например, – не замечают в ней оптимизма. В этой книге отразилась великая свобода людей, жизнь которых жестко регламентирована социальной моралью. Эта мораль проникла в самую ткань общества, создала его экономическую систему. Без морали общество невозможно, но эта мораль не только питает общество, но и позволяет людям общества прославлять энергию и страсть. Энергия – это добро; застой это зло. Это удивительное понимание мира изложено в "Хагакурэ" без малейшего намека на цинизм. Воздействие "Хагакурэ" на читателя полностью противоположно впечатлению, которое остается у него от чтения афоризмов Ларошфуко, например.

Редко встретишь книгу, которая с помощью этики пробуждает к себе уважение в такой мере, в какой это свойственно "Хагакурэ". Невозможно ценить энергию и в то же время не уважать себя. В честолюбии нельзя зайти слишком далеко. Ведь высокомерие вполне допустимо с этической точки зрения – однако "Хагакурэ" не рассматривает его отдельно от других черт характера. "Молодых самураев следует наставлять в боевых искусствах так, чтобы каждому из них казалось, что он – самый смелый воин в Японии". "Самурай должен гордиться своей доблестью. Он должен быть исполнен решимости умереть смертью фанатика". Для человека, который исполнен решимости, не существует таких понятий, как правильность или уместность.

Практической этикой "Хагакурэ" в повседневной жизни можно назвать веру человека в целесообразность своих действий. В отношении любых условностей Дзете бесстрастно заявляет: "Главное – поступать достойно в любое время". Целесообразность – это не что иное, как этически обоснованный отказ от любой изысканности. Нужно быть упрямым и решительным. С незапамятных времен большинство самураев были решительны, отличались силой воли и мужеством.

Художественные произведения в любое время рождаются как отрицание существующих ценностей. Подобно этому, все заповеди Дзете Ямамото появились на фоне преувеличенных, до крайности изысканных вкусов японцев, живших в эпохи Гэнроку (1688–1704) и Хоэй (1704–1709).

"Я постиг, что Путь Самурая – это смерть"

Когда Дзете говорит: "Я постиг, что Путь Самурая – это смерть", он выражает свою Утопию, свои принципы свободы и счастья. Вот почему в настоящее время мы можем читать "Хагакурэ" как сказание об идеальной стране. Я почти уверен, что если такая идеальная страна когда-либо появится, ее жители будут намного счастливее и свободнее, чем мы сегодня. Однако пока реально существует только мечта Дзете.

Автор "Хагакурэ" изобрел средство, которого более чем достаточно для того, чтобы излечить болезни современного мира. Предчувствуя дальнейшее раздвоение человеческого духа, он предостерегает нас против мучительности такого состояния: "Не следует устремляться одновременно к двум вещам". Мы должны вернуть себе веру в чистоту. Дзете понимал также значимость подлинной страсти и прекрасно осознавал, каким законам подчиняется эта страсть...

Несчастье и счастье человека действия

Не имеет значения, какую смерть мы рассматриваем в качестве завершения пути человека к совершенству – естественную или же смерть в духе "Хагакурэ", смерть от руки врага или в результате вскрытия себе живота. В любом случае, требование быть человеком действия не меняет отношения к жизни и не толкает нас на поиски легкого пути. "В ситуации "или-или" без колебаний выбирай смерть". Дзете учит нас, что, в каком бы положении мы ни оказались, самоотверженность позволяет нам проявить максимум добродетели. И, к тому же, подлинная ситуация "или-или" возникает нечасто. Интересно, что, хотя Дзете и подчеркивает необходимость быстрой смерти, он не торопится дать нам определение ситуации "или-или".

Рассуждение, в результате которого человек принимает решение умереть, приходит после многих других рассуждений и решений жить дальше. И это длительное созревание человека для принятия окончательного решения требует, чтобы он долго боролся и размышлял. Для такого человека жизнь – это круг, который может замкнуться, если к нему прибавить одну-единственную точку. Из дня в день он отбрасывает круги, которым недостает какой-нибудь точки, и продолжает встречать последовательность таких же кругов. В противоположность этому, жизнь писателя или философа представляется ему нагромождением постепенно расширяющихся кругов, в центре которых находится он сам. Но когда наконец наступает смерть, у кого возникает большее чувство завершенности – у человека действия или у писателя? Я склонен считать, что смерть, которая завершает наш мир добавлением к нему единственной точки, дает человеку намного большее чувство завершенности.

Наибольшим несчастьем человеку действия представляется ситуация, в которой он не умрет после того, как к его жизни добавлена завершающая точка.

Ёйти Насу жил еще долго после того, как поразил стрелой веер, служивший ему мишенью. Учение Дзете о смерти акцентирует наше внимание на счастье человека действия и не интересуется тем, что делает этот человек. Сам Дзете мечтал о достижении такого счастья,

когда собирался совершить самоубийство в возрасте сорока двух лет после смерти своего господина Мицусигэ Набэсима (даймё второго поколения клана Набэсима), однако ему помешал запрет на подобные самоубийства. Тогда Дзете побрил себе голову и стал буддийским монахом. Он умер своей смертью в возрасте шестидесяти одного года, оставив потомкам "Хагакурэ".

"Хагакурэ" – источник моего литературного творчества

За все послевоенное время мое отношение к "Хагакурэ" почти не изменилось. Пожалуй, лучше будет сказать, что когда я писал вышеупомянутую статью, мое понимание "Хагакурэ" впервые обрело форму у меня в сознании, и с тех пор я всегда сознательно строил свою жизнь в духе "Хагакурэ" и посвящал ему свои силы и дерзания. С каждым годом "Хагакурэ" все глубже входило в мои плоть и кровь. Однако, следуя по пути писателя и любимца публики, которых "Хагакурэ" осуждает, я очень болезненно переживал несоответствие между искусством и этикой действия. Это несоответствие терзало меня много лет, потому что мне все время казалось, что за личиной литературы всегда скрывается малодушие. Фактически, своей глубокой преданностью Пути ученого и воина я обязан именно влиянию "Хагакурэ". Я отдаю себе отчет в том, что о Пути ученого и воина легко говорить, но его очень трудно претворять в жизнь. Но я понимаю также, что только этот Путь позволяет мне оправдать свою литературную деятельность. Этим пониманием я также обязан "Хагакурэ".

Между тем, я убежден, что искусство, которое не выходит за узкие рамки искусства, вскоре приходит в упадок и умирает, и поэтому я не причисляю себя к сторонникам искусства для искусства. Ведь если искусству ничто не угрожает, если оно не подвержено влиянию чего-то внешнего по отношению к себе, оно быстро истощается. Писательское искусство черпает свое вдохновение из жизни, и хотя жизнь тем самым может быть названа источником искусства, она является также его злейшим врагом. Жизнь присуща самому писателю, и в то же время она является вечной антитезой искусства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.